

ЕВРЕИ НА ВОЙНЕ

ОТ СОВЕТСКОГО К ЕВРЕЙСКОМУ?

Олег Будницкий

Авторы писем, дневников и воспоминаний, послуживших источниками нашей статьи¹, были советскими интеллигентами новой формации, если не родившимися при советской власти, то выросшими при ней, типичными – и в то же время не вполне типичными – продуктами социальной инженерии. Они были советскими евреями, которые получили шанс присоединиться к новому интернационалистскому большинству. И воспользовались этим шансом без особых раздумий.

Пятнадцатилетний Давид Кауфман вспоминал, что отец в раннем детстве рассказывал ему разные истории из Библии и старался воспитать в нем «дух национализма». Однако не преуспел в этом: «националист вышел из меня неважный, хотя я не лишен чувства некоторой национальной гордости и самолюбия»².

«В сущности, у меня нет народа, – рассуждал слегка повзрослевший Кауфман. – Дух еврейства чужд, непонятен, далек мне. По убеждениям я интернационалист, а по духу... тоже. И все же что-то сближает меня с этим народом. И уверен я, что, приключись с ним еще какие-нибудь беды, я не уйду от него и смело приму вместе с моими братьями любое страдание... И все-таки далек мне этот народ. Раздольная волжская песня трогает больше мое сердце, чем унылая и надрывная песнь моего народа. Язык моего народа не мой язык, его дух не мой дух, но его сердце – мое сердце»³.

В отличие от своего отца, который «не судил о нации, а просто к ней принадлежал», Кауфман о «еврейской нации» судит как бы со стороны. Со стороны «русских евреев», которые больше русские, чем евреи. Которые уже не ходят в синагогу, но еще не ходят в церковь. Потом, впрочем, пойдут, и в немалом числе⁴. Рассуждая уже много лет спустя о еврействе и о своих предках, Кауф-

ман писал: «Скажу о его (курсив мой. – О. Б.) нации»⁵.

Лев Копелев «никогда не исповедовал еврейской религии, не знал еврейского языка, не сознавал и не чувствовал себя евреем». Себя он идентифицировал как «русского еврейского происхождения»; он был евреем «по формуле Тувима»: его родство с евреями определялось не по той крови, которая течет в жилах, а по той, которая течет из жил. Заявлять о своем еврействе Копелева обязывал «массовый жестокий антисемитизм» в СССР. Копелев говорил об этом в конце 1970-х годов⁶. В 1945-м, да и позднее, майор Копелев исповедовал интернационализм. Антисемитизм, нараставший с 1942 года, он объяснял закономерным обострением в период войны классовых и национальных противоречий, осложнявшихся «необходимостью национальной и притом именно великодержавной патриотической пропаганды, необходимостью и тактической, и стратегической». Даже в лагере он твердо верил в «грядущий коммунизм и в вечную Россию»⁷. В 1948-м друзья Копелева по «шарашке» Дмитрий Панин и Александр Солженицын упрекали его в том, что он не хочет признать себя «прежде всего евреем», и не соглашались с копелевским самоопределением «русский интеллигент еврейского происхождения»⁸.

Советские евреи – те, что выросли при советской власти, – были, возможно, самыми советскими из советских людей. Они отчетливо представляли свое отличие от «прежних», других евреев. Тем паче что с этими «прежними», несветскими, западными евреями, в 1939 году ставшими советскими гражданами, им приходилось встречаться.

Борис Тартаковский записал 31 октября 1941 года в Сталинграде, поразившем его толпами эвакуированных: «Но кто из всей этой массы, заполняющей улицы, толпящейся у магазинов, толкающейся в очередях за газировкой, настоящий, коренной сталин-

градец? Так что попадают женщины в когда-то модных пальто с широкими плечами, в цветных грязных колпачках или платочках, в коричневых лыжных ботинках. Где я видел их?»⁹

Видел их Тартаковский в начале того же 1941 года во Львове, куда был направлен по университетским делам:

Февраль этого года. Дует резкий холодный ветер. Он бросает в лицо сухую снежную крупу, по узким улицам странного, не похожего ни на что до сих пор виденного города, бегут снежные змейки. У памятника Мицкевичу крутится маленький снежный смерч. Мраморное средневековое великолепие костелов. Готика, XV век. Узкие четырехэтажные дома в три окна. Почерневшие фигурки святых, тесные каменные дворики. Внезапно за углом раскинулось огромное серое здание с куполом и статуями. Галицийский сейм – «Львовский державный университет». И евреи библейского вида с пейсами и седьми бородами, и женщины в модных пальто с широкими плечами, в цветных ярких платочках, в коричневых лыжных ботинках с ремнями... Чужие и измученные бродят они с сумками по рынку огромного волжского города. Куда, в какую даль от родных своих мест забрались они? То и дело слышишь резкую еврейскую речь. Поневоле вспомнишь все того же Хуренито¹⁰ – его суждения о судьбах иудейского племени. Действительно, сама судьба этого несчастного талантливой народа толкает в мистику, к сионизму. Все же будущее его – в ассимиляции. Нельзя, не имея территории своей, пытаться сохранить все свои национальные привычки и предрассудки. Это реакционно и утопично»¹¹.

Марку Шумелишскому также встретились в каком-то поволжском поселке «западные» евреи. Он называет их «евреями из Львова». Может, и так, однако скорее всего Львов был символом чего-то западного. «Евреи из Львова» работали лесорубами. В комнате

¹ Подробнее об этих источниках см. в первой статье нашей мини-серии «Евреи на войне: Солдатские дневники»: Лехаим. 2010. № 5.

² Самойлов Д. Поденные записи. М.: Время, 2002. Т. 1. С. 47. Запись от 29 ноября 1935 года.

³ Там же. С. 61. Запись от 6 марта 1936 года.

⁴ См. об этом: Judith Deutsch Kornblatt. Doubly Chosen: Jewish Identity, the Soviet Intelligentsia, and the Russian Orthodox Church. The University of Wisconsin Press, 2004.

⁵ Самойлов Д. Памятные записки. М., 1995. С. 54.

⁶ Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. 1956–1980. М., 1990. С. 190.

⁷ Копелев Л. Хранить вечно. М., 2004. Т. 2. С. 16, 196–197.

⁸ Копелев Л. Утоли моя печали. М., 1991. С. 46.

⁹ Тартаковский Б.Г. Из дневников военных лет. М., 2005. С. 32–33.

¹⁰ Речь идет о персонаже романа И.Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1922).

¹¹ Тартаковский Б.Г. Там же.

Давид Кауфман с польской девочкой.
Апрель 1945 года

барачного типа жили несколько семей. «В прошлом, вероятно, мелкие торговцы или владельцы небольших торговых или кустарных предприятий, – записывает Шумелишский. – Это типичные польские евреи, которых еще не тронуло ассимилирующее влияние советской культуры. Держатся кучно, но, видимо, живут не особо дружно. Каждый хочет урвать кусок по-лучше. Занимаются перепродажей вещей. Это основной источник доходов. Лесорубы, похоже, только для получения прав. Вынужденно. Весь этот дом, кишачий живым и крикливым населением, производит крайне неприятное впечатление. Эти люди еще не поняли, что евреи тоже могут быть и должны быть лесорубами»¹².

Впрочем, не только «западные», но и как будто советские, однако не столичные, не городские, «старорежимные» евреи были не близки молодым советским интеллектуалам. Григорий Померанц, по его позднему признанию, не принял близко к сердцу сведения об истреблении нацистами евреев. Он был чересчур «русским» и чересчур столичным: «Армейское русское “мы” вылезло и в моем первом восприятии геноцида. О нем говорили как о чужом горе. И я его принял как чужое горе. Я думал о погибших как о “местечковых” евреях, т. е. не таких, как я. И мне их было жаль, конечно, но как-то вчуже». Померанц надеялся, что большая часть городских, интеллигентных евреев успели эвакуироваться. Да и вообще, на войне, где гибнут миллионы людей, нечего разбирать погибших по национальностям»¹³.

¹² Шумелишский М.Г. Дневник солдата. М., 2000. С. 37.

¹³ Померанц Г. Записки гадкого утенка. М., 2003. С. 86.

Мало кто из наших героев рассуждал об истреблении евреев. Нацизм – абсолютное зло, для большинства еще не пришло время размышлять о его происхождении, сущности и политике. Иногда советским офицерам случалось обсуждать «еврейский вопрос» с немцами. Борис Итенберг, не упускавший случая поупражняться в немецком языке и нередко разговаривавший с пленными, задал им вопрос: «Почему немцы не любят евреев?» «И 36-летний фриц, садовник по специальности, с энтузиазмом мне стал рассказывать, и я, к радости, понял (“к радости” – имелось в виду, что Итенберг разобрал немецкую речь. – О. Б.): “Когда Гитлер пришел к власти, то большинство банков,

заводов, фабрик и других коммерческих учреждений были у евреев, а для того, чтобы захватить все это, евреев начали расстреливать и на их места сажать немцев”, – это близко к истине?», – писал он родителям, как будто пытаясь найти «материалистическое» объяснение причин истребления евреев нацистами»¹⁴.

Итенберг спросил пленного, «знает ли он писателя Фейхтвангера». Оказалось (чего и следовало ожидать, ибо произведение еврея Фейхтвангера в нацистской Германии были запрещены), что «этот твердолобый фриц» о таком писателе не слышал. А ведь он «окончил восемь классов», – возмущался Итенберг¹⁵. О, святая вера русского интеллигента, что просвещение спасет мир!

Лишь Давид Кауфман, как и «положено» студенту-ифлийцу¹⁶, хотя и поэту, а не философу, пытался осмыслить феномен нацизма. В рамках своей «теории» о гитлеризме как апофеозе бюргерства, мещанства он логически выводил мотивы уничтожения евреев: «Бюргер ненавидит еврея-лавочника. Гитлер уничтожает всех евреев. Бюргер считает, что он и его жена самые добропорядочные бюргеры в мире. Гитлер кричит, что только нация бюргеров достойна жить на свете»¹⁷.

Очевидно, чтобы уязвить «нацию бюргеров», Кауфман «для забавы» сообщил немцам, встретившимся ему в предместье Берлина, что он еврей: «Они ужасно рады, как

¹⁴ Б.С. Итенберг, письмо родителям, 13 августа 1944 года (личный архив Б.С. Итенберга).

¹⁵ Б.С. Итенберг, письмо родителям, 13 августа 1944 года (личный архив Б.С. Итенберга).

¹⁶ ИФЛИ (МИФЛИ) – московский Институт философии, литературы и истории, «красный лицей». Существовал в 1931–1941 годах. В 1941 году волился в состав МГУ.

¹⁷ Самойлов Д. Поденные записки. Т. 1. С. 218. Запись от 17 апреля 1945 года.

Григорий Померанц. 1940-е годы

будто я не еврей, а их богатый дядя, который к тому же собирается умереть»¹⁸.

Похоже, что наших героев больше волновало отношение к евреям не немцев – с ними было «все ясно», а соотечественников, товарищей по оружию. Ибо пресловутый интернационализм советского народа стал испаряться (если когда-либо существовал за пределами узкого круга городской интеллигенции) на глазах.

Большинство евреев-ветеранов, рассказывающих сейчас о своем боевом опыте, говорят о фронтовом товариществе и о том, что антисемитизм процветал в тылу, а не на фронте. Учитывая склонность ветеранов к идеализации прошлого, противопоставление этого славного (без кавычек!) военного прошлого последующим годам политики государственного антисемитизма, по сравнению с которым те или иные проявления антисемитизма на фронте казались несущественными и недостойными внимания, вполне объяснимо. Однако же трудно представить сосуществование широко распространенных антисемитских настроений в тылу и «братства народов» на фронте. Тыл и фронт не были отделены друг от друга непродоходимой стеной, это были сообщающиеся сосуды. Из тыла приходило пополнение, в тылу лечились раненые, возвращавшиеся после выздоровления на фронт, из тыла приходили письма. Более того, по свидетельству современника, именно демобилизованные из армии раненые являлись главными распространителями антисемитизма в тылу¹⁹.

Немалое число ветеранов рассказывают совсем другие истории о межнациональных отношениях на фронте, истории, весьма далекие от традиционных представлений о боевом товариществе и дружбе народов СССР. По словам рядового, пехотинца Виктора Грановского, «если бы в роте знали, что я еврей, то в первом же бою я получил бы от кого-нибудь пулю в спину... Я не преувеличиваю... Застрелили бы в спину...» На его счастье, ка-

питан в гомельском военкомате, оформляя Грановского добровольцем (в тот момент, в 1943 году, ему исполнилось всего лишь 16 лет), вписал в графе «национальность» вместо «еврей» – «белорус», а в графе «отчество» вместо Моисеевич – Михайлович. Таким образом, Грановский стал «Витей, белорусом из Гомеля», тем более что по-русски он говорил с белорусским акцентом, ибо шесть лет учился в белорусской школе.

«Меня поражало, – говорит Грановский, – откуда у моих товарищей по роте такая люта-тая ненависть к евреям? Ладно, часть солдат из уголовников, многие другие побывали по

два-три года в оккупации, и, возможно, немецкая пропаганда так на них повлияла, но у остальных-то, у «обычных советских граждан», вся эта злоба – откуда? И на привале, и в землянке только и слышишь: “жиды то, жиды се”, мол, мы сражаемся, а они, твари еврейские, по тылам жируют. Мне было горько все это слышать, меня трясло внутри от возмущения, но я молчал...»²⁰

«Война принесла нам широко распространенные национализма в сквернейшем, наступательном, шовинистическом вариан-

те, – констатировал майор Борис Слуцкий. – Вызов духов прошлого оказался опасной процедурой». На войне встретились разные народы Советского Союза. В том числе неграмотные или малограмотные, не понимающие по-русски, не умеющие обращаться с техникой обитатели Средней Азии или Кавказа. «Народы... перезнакомились. Не всегда они улучшали мнение друг о друге после этого знакомства. <...> Был интернационализм, потом стал интернационализм минус фрицы, сейчас окончательно рушилась светлая легенда о том, что “нет плохих наций, есть плохие люди и классы”. Слишком уж много стало минусов»²¹. Заметим, что его «Записки о войне», содержавшие столь крамольные мысли, были написаны в 1945 году.

Евреи занимали особое место на этой шкале взаимной неприязни. У Григория Померанца украли в госпитале (в офицерской палате!) орден Красной Звезды. В этом, скорее всего, не было «ничего личного». Орден стоил на черном рынке 10 тыс. рублей. Однако к нему подошел капитан, «обрусевший башкир», и стал объяснять, что, может быть, лично Померанц и не заслужил такой обиды, но евреи вообще... Капитан слышал от старших офицеров, с которыми лежал в одной палате, что после войны будет «антиеврейская революция», потому что на передовой евреев нет, «а в тылу 5-й Украинский фронт взял Ташкент»²².

Мы не ставим своей задачей в рамках настоящей статьи проанализировать феномен роста антисемитизма времен войны. Заметим лишь, что он не мог быть связан с отсутствием евреев на передовой. «Вклад кровью» евреев, по данным Министерства обороны, уступал лишь вкладу русских, украинцев, белорусов и татар, чья доля в населении существенно превосходила долю евреев²³.

²¹ Слуцкий Б. Записки о войне // Он же. О других и о себе. М., 2005. С. 118–121.

²² Померанц Г. С. 156.

²³ Всего на фронтах Великой Отечественной войны погибло 142.500 евреев (Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2009. С. 52). Общие потери еврейского населения (считая тех, кто проживал на территориях, присоединенных к СССР в 1939–1940 годах) составили 2.733.000 человек, или 55% всего еврейского населения СССР на июнь 1941 года. Это

¹⁸ Самойлов Д. Там же. Запись от 23 апреля 1945 года.

¹⁹ Государственный антисемитизм в СССР. 1938–1952: Документы. Сост. Г.В. Костырченко. М., 2005. С. 34.

²⁰ <http://www.iremember.ru/content/view/735/2/lang.ru/> (последнее посещение 16 мая 2010 года).

Ноктюрн. Яков Халип. Новошахтинск,
Ростовская область. 1943 год

Личный опыт авторов привлеченных нами дневников и воспоминаний далек от единообразия. Выскажем несложную мысль, что многое зависело от степени ассимилированности евреев-военнослужащих, их должностей и званий, конкретного окружения. Судя по фронтовым дневникам, отношения с товарищами по оружию у евреев – бойцов и командиров Красной Армии – складывались по-разному. Лейтенант Владимир Гельфанд постоянно жалуется на оскорбления и унижения, которым он подвергается в связи со своим еврейством. Он совершенно одинок, нередко делится своими проблемами с сослуживцами, что в результате только доставляет ему неприятности, а иногда и настоящие страдания. Старший лейтенант Борис Сурис, напротив, считая свой характер «паршивым», удивляется: «Почему-то у меня очень много друзей, почему-то все ко мне хорошо относятся, почему-то даже совершенно незнакомые люди со мной здороваются и осведомляются о моем здоровье»²⁴. Он ни разу не упоминает о каких-либо проблемах, связанных с его еврейством.

В дневнике сержанта Павла Элькинсона вообще не встречается слово «еврей». Спустя 64 года после окончания войны Элькинсон говорил интервьюеру, что в войну «не было такого явного проявления антисемитизма». По его словам, «больше доставалось людям из Средней Азии. Дело касалось, допустим, питания. Они не ели свинину. Это трагедия была для них. Они же голодные ходили, они, ну, привыкали в конце концов, а кое-кто даже не привык к этому... Ну, не знаю, мне, может быть, повезло, но я не чув-

ствовал к себе плохого отношения в армии. Ну, может быть, я нигде не находился на таких постах, был рядовым»²⁵.

У самого Элькинсона проблем со свининой не было. Как и у других советских евреев. Лейтенант Борис Итенберг сообщил жене, что по случаю Дня Красной Армии были «красное вино и жареная свинина (до которой я большой охотник)». И месяцем позже: «Питание сейчас очень хорошее, преобладает жареная свинина с картофелем, а мне больше ничего и не надо»²⁶. Давид Кауфман

Не углубляясь здесь в эту тему, все же заметим, что как бы ни относились товарищи по оружию к евреям²⁸, отношение в армии к уроженцам Средней Азии и Кавказа было несравненно хуже. Сурис, оказавшийся в результате ранения в тыловом госпитале, отмечает всеобщую ненависть и презрение к «бойцам-нацменам – «йолдашам»»²⁹. В рамках уютного мифа о дружбе народов (с треском и как будто неожиданно рухнувшего вместе с Советским Союзом) тема реальных, а не идеальных межнациональных

занес в дневник памятку о нехитрой фронтовой радости: «Ночуем <...> налопавшись свинины и напившись вдосталь молока»²⁷. Религиозные предки Кауфмана – дед и в особенности прадед, покинувший семью и уехавший умирать в Палестину, наверное, перевернулись бы в гробу, узнав, как нарушает обычаи их непутевый потомок.

²⁵ Интервью Леониду Рейнесу. Запорожье, 13 июня 2009 года.

²⁶ Итенберг Б.С., письма жене от 26.02 и 16.03.1945 (личный архив Б.С. Итенберга).

²⁷ Самойлов Д. Поденные записи. Т. 1. С. 208. Запись от 4 февраля 1945 года.

отношений в годы войны оставалась длительным временем табуированной. Не слишком

²⁸ О национальном самосознании советских евреев-интеллигентов и об отношении к евреям в Красной Армии см.: Oleg Budnitskii. The Intelligentsia Meets the Enemy: Educated Soviet Officers in Defeated Germany, 1945 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 10 (3). 2009. P. 647–656.

²⁹ Сурис Б. С. 128. Запись от 16 июня 1943 года. Об «инородцах» в Красной Армии см.: Leo J. Daugherty III. The Reluctant Warriors: The Non-Russian Nationalities in Service of the Red Army During the Great Patriotic War 1941–1945 // The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 6. № 3. 1993. P. 426–445.

составляет более 10% всех людских потерь СССР в период Великой Отечественной войны (Куповецкий М. Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 2 [9]. С. 152, табл. 9).

²⁴ Сурис Б. Фронтовой дневник. М., 2010. С. 136.

*Евреи в очереди на регистрацию.
Оккупированная Одесса. 22 октября.
1941 год. Мемориальный музей холокоста
США. Вашингтон*

далеко мы ушли в изучении этих отношений и сейчас, по привычке противопоставляя современные безобразия светлому прошлому. Которое при ближайшем рассмотрении оказывается гораздо сложнее, чем бы этого хотелось. Но без изучения которого вряд ли можно понять корни современных конфликтов и «нестроений».

Вернемся, однако, к нашим героям. Подобно Элькинсону или Сурису, не сталкивался с проблемами на национальной почве и сержант Борис Комский. Однако в его дневнике встречаются любопытные фрагменты на эту тему, один из которых – о дремучей, средневековой крестьянской юдофобии. «Немцы не перестают болтать о жидо-большевиках, а бабы немцев называют немыми жидами», – записывает он 11 октября 1943 года. Вспомним, что уроженцев Германии называли на Руси немцами, потому что они были как бы немые – их речь не понимали. «Немые жида» – это оттуда, из времен Московской Руси: объединение немцев, причинивших конкретное зло, и евреев, которые когда-то «Христа распяли». Похоже, что некоторые советские крестьяне все еще шли не в ногу с веком.

Другая запись в дневнике Комского непосредственно затрагивает отношение к евреям на фронте. Однажды немолодой солдат, распознавший в Комском еврея, сказал ему, что скрывает свою национальность ввиду «жуткого антисемитизма», царящего в армии. Комский, заявивший, что солдат напрасно это делает, записал его рассказ:

Зовут его Илья Черепеха, сам из Белоруссии. Там его и застали немцы. Вся его семья – 35 человек – погибла. Его самого расстреливали два раза, но он оставался жив и ночью выползал из-под трупов. Жена его – украинка, вышла замуж за власовца, грабила вместе с ним и уехала потом в Германию. Он сам был в партизанском отряде комзвода: «Мы попили их крови. За свою семью я отомстил сполна...»

В партизанах тоже было много антисемитизма. Еврея, имевшего командное звание, на должность не назначали. Только когда приблизился фронт, положение начало изменяться. Он рассказывал много фактов из своей жизни в партизанах и теперь, в армии, и снова я пожалел, что сказал «напрасно». Какое имею я моральное право учить и оценивать поступки человека, который в 1000 раз больше моего видел и испытал? Я не могу оправдать человека, отказавшегося от своей национальности. Но ведь «жизнь дается человеку один раз...», а он дважды терял ее³⁰.

Как, на наш взгляд, довольно отчетливо следует из случайных записей в солдатских

дневниках и из воспоминаний, написанных без оглядки на цензуру, антисемитизм вовсе не был преодолен в стране интернационалистов. И проявлялся с первых дней войны на самых разных уровнях, поначалу преимущественно на «низовом».

Виктор Залгаллер в сентябре 1941 года под Ленинградом, поняв, что лейтенант, пытавшийся увести группу бойцов от окружения, не знает дороги, сам возглавил колонну. И услышал от кого-то из солдат: «Чего за ним идти, за жидом». Потом за ним все-таки пошли и выбрались к своим. Другой эпизод, первое знакомство с сослуживцем Никола-

³⁰ Комский Б.Г. Дневник. Запись от 7 января 1945 года. Blavatnik Archive, New York.

ем Тихоновым: «На приказ идти ему и мне ответил: “С жидом не пойду”. Потом был моим лучшим другом»³¹.

С антисемитизмом сталкивалась и военная переводчица Ирина Дунаевская. Однажды она случайно услышала, как в разговоре по телефону с другой «военной девушкой» офицер, чьи домогательства Дунаевская отвергла, передразнивает ее еврейскую картавость, произнес «контрольное» в такой ситуации слово «кукуруза». Разгневанная переводчица залепила ему оплеуху. Другой случай, уже в Германии, был не столь безобидным: на центральной площади Пейтшендорфа пьяный вдрызг майор, «устремив на меня бешеный взгляд побелевших глаз, выкрикивает какие-то пакостные антисемитские слова и замахивается, собираясь ударить по лицу». Дунаевская, по ее словам, ничего не соображая, выхватила пистолет и выстрелила. По счастью, пуля пошла вверх (стрелять ей приходилось не слишком часто), а сопровождавший ее капитан быстро увез ее с места происшествия³².

Каких-либо далеко идущих выводов из этих малоприятных эпизодов, во всяком случае тогда, авторы дневников не делали.

Советская власть упорно боролась с антисемитизмом, особенно в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Но в годы войны об этом нечего было и думать: в открытую осуждать антисемитизм означало бы, по сути, подтвердить один из основных тезисов нацистской пропаганды о советской власти как власти еврейской. Учитывая популярность антисемитских настроений, власть вряд ли могла себе это позволить. Даже если бы хотела³³.

³¹ Залгаллер В. Быт войны // Вестник (Балтимор). 2001. № 11 (270). 2001. (<http://www.vestnik.com/issues/2001/0522/win/zalgaller.htm>).

³² Дунаевская И. От Ленинграда до Кёнигсберга: Дневник военной переводчицы (1942–1945). М., 2010. С. 328, 370–371. Записи от 29 июля 1944 года и 1 февраля 1945 года.

³³ О «еврейском синдроме» советской пропаганды см.: Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 222–229.

Борис Слуцкий. Байя. Венгрия. 1945 год

Как повлияла война на отношение к собственному еврейству советских солдат и офицеров? По-разному. Мы не можем здесь оперировать какими-либо цифрами и давать однозначные ответы. Для кого-то еврейство осталось странностью, доставшейся по рождению, и если не помехой, то ненужным доверием к нормальному существованию.

Зимой 1945 года в Польше взвод Виктора Залгаллера был вынужден в 25-градусный мороз спать в лесу, на еловом лапнике. Залгаллер пошел к реке, где обнаружил несколько землянок соседней части (места в них не было) и баньку. Топил ее старик-еврей. «Спрашивает меня, – вспоминал Залгаллер, – “Аид?” – “Да”. Забормотал по-еврейски. А я не понимаю. “Ничего, – говорит, – ты спи, а я над тобой буду петь”. И я уже сплю на сырых нарах <...> Первый раз в жизни мне помогла моя *нелепая* (курсив мой. – О. Б.) национальная принадлежность»³⁴.

Иные, оставаясь интернационалистами, возможно, впервые почувствовали свою принадлежность к еврейству. Борис Тартаковский записал 10 мая 1944 года свои впечатления недавних дней. Войска, в которых он служил, освобождали Украину. В Каменец-Подольске Старый город стал городом смерти:

Когда-то эти районы были населены в значительной части своей евреями. Немцы сначала превратили Старый город в подлинное гетто, а потом уничтожили и всех его обитателей и самый город. Гулко раздаются шаги по поросшим травой площадям, безмолвно смотрят разбитые окна домов, обрывки обоев еще видны на остатках разрушенных стен. Редко-редко пройдет человек, пробежит залудная собака. Тишина»³⁵.

Евреям, собранным в гетто Жмеринки (входившей в румынскую Транснистрию), повезло: сменившие румын немцы не успели их расстрелять. В то утро, когда Тартаковский приехал в Жмеринку, «город был полон людьми, вернувшимися к жизни. В первый раз за два с половиной года они смогли

пройти по улице с поднятой головой, свободно и независимо, без унижительной желтой звезды на груди. Начисто сметены колья с колючей проволокой, нет больше страшной границы. Трогательное это зрелище было. <...> И впервые в жизни пожалел я, что не знаю еврейского языка», – записал «ассимилятор» Тартаковский³⁶.

Григория Померанца «проняло» на обратном пути из Германии, в Майданеке, «около слипшейся в кучу детской обуви»: он «почувствовал погибших как своих детей и впервые до конца пережил слова Ивана Карамазова о деточках, которые ни в чем не виноваты»³⁷. Очень характерно для русско-еврейского интеллигента: трагедия

еврейского народа позволяет ему «до конца» воспринять мысль русского писателя. Мысль (и образ), относящаяся, несомненно, к числу наиболее гуманистических в русской литературе. Высказанная, правда, героем самого антисемитского романа Достоевского.

Все цитировавшиеся в настоящей статье авторы пережили войну и сделали относительно успешную карьеру. Думаю, что поэты Борис Слуцкий и Давид Самойлов (Кауфман) в специальном представлении не нуждаются. Борис Комский стал военным журналистом, а выйдя в отставку, поселил

ся во Львове. До недавнего времени редактировал местную еврейскую газету. До сих пор жалеет о «несчастье» – распаде Советского Союза. Павел Элькинсон стал инженером, начальником цеха крупного завода в родном Запорожье. Несколько лет жил в Израиле, затем вернулся в Запорожье – с годами израильский климат стал слишком тяжел. Виктор Залгаллер стал ученым, доктором физико-математических наук. В 1990-х его «нелепая» национальность привела его в Израиль. Борис Итенберг стал доктором исторических наук, автором многочисленных работ по истории революционного народничества и русского либерализма. Живет в Москве. Ирина Дунаевская защитила кандидатскую диссертацию по хеттологии, работала в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук. Живет в Петербурге. Борис Сурис окончил Академию художеств в Ленинграде, стал искусствоведом. Увы, его фронтовой дневник увидел свет почти 20 лет спустя после его смерти. Борис Тартаковский служил в святая святых – Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Его военные дневники вышли из печати также посмертно. Прямо противоположную «карьеру» сделал Григорий Померанц, отсидевший три года в лагере в поздние сталинские времена и ставший известным культурологом и диссидентом. Еще более известным диссидентом стал (я бы сказал, был «сделан») Лев Копелев, упорно пытавшийся улучшить советское общество и лишенный в конечном счете советского гражданства. Владимир Гельфанд особой карьеры не сделал – преподавал историю и обществоведение в профессионально-техническом училище в Днепропетровске, где и умер. Его обширный дневник опубликовал сын, уехавший на постоянное жительство в Германию. По иронии судьбы в книжном варианте дневник вышел лишь по-немецки и по-шведски.

В общем, наши герои остались советскими (за исключением «антисоветчиков» Копелева и Померанца) евреями. Больше *советскими*, чем евреями. ■

³⁴ Залгаллер В. Там же.

³⁵ Тартаковский Б.Г. С. 176.

³⁶ Тартаковский Б.Г. С. 171.

³⁷ Померанц Г. С. 158.